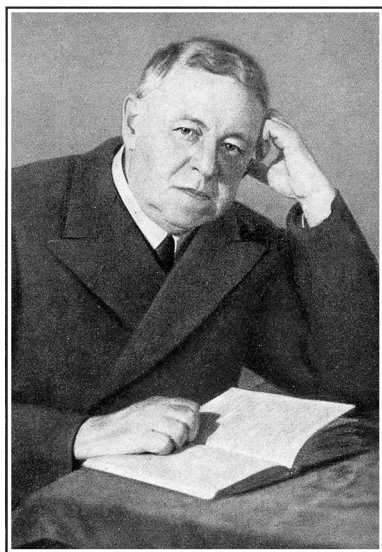

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Об авторе этой книги — *Евгении Викторовиче Тарле* — написаны десятки биографических очерков и несколько монографий, опубликованных в России, Германии, Англии, Италии, США, Польше и еще бог знает где. Только в 90-е годы XX столетия появилось не менее десятка таких изданий на русском языке. Все эти книги и очерки о жизни и деятельности Тарле относятся к жанру научной биографии, и основное внимание в них уделено творчеству историка. Поэтому здесь будут представлены лишь основные вехи его жизни — то, что обычно называют биографической канвой.

Евгений Викторович Тарле родился 8 ноября 1874 г. в Киеве. Учился в Херсонской гимназии. По ее окончании поступил в Новороссийский университет (Одесса), а затем перешел в Университет св. Владимира (Киев), закончил его в 1896 г. и был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

Он вырос в большой семье, но его сестра Елизавета и братья Михаил и Александр умерли прежде него. Жена — Ольга Григорьевна Тарле (из дворянской семьи Михайловых), с которой он обвенчался еще будучи студентом Университета св. Владимира, пережила его на два месяца, а младшая сестра Мария, жившая в его семье с 1932 г., умерла в конце 1957-го. Единственный сын Тарле — Виктор — умер ребенком еще в начале века, и похоронен в Киеве. Живы и всегда будут напоминать о Тарле его книги, уже выдержавшие испытание временем.

В 1900 г. Тарле был арестован за участие в нелегальном собрании марксистского толка и выслан в сельскую местность без права

учительства в больших городах, но вскоре получил разрешение жить в Варшаве с запретом заниматься преподавательской деятельностью. К концу 1901 г. он переехал в Петербург и в том же году в Университете св. Владимира защитил магистерскую диссертацию.

В Петербурге Тарле как политически неблагонадежному удалось закрепиться не сразу. Полиция грозила ему высылкой, однако по ходатайству А. Г. Достоевской, вдовы великого писателя, дело было прекращено. Но двери Петербургского университета, куда Тарле так стремился, были для него закрыты, и единственным источником средств для ученого остается историческая публицистика, принесшая ему известность в кругах русской интеллигенции того времени.

И только в 1903 г., после обращения его учителя, известного историка И. В. Лучицкого, к министру народного просвещения, Тарле получил скромное место приват-доцента и сразу же стал любимцем студентов. Его лекции собирали огромные аудитории. (С Петербургским университетом — коридорами Петровских коллегий — была связана вся последующая жизнь ученого. В советское время его лекции там назначались на семь часов утра, чтобы не срывались занятия на других курсах.)

В 1905 г. во время студенческих волнений Тарле был тяжело ранен. Это событие вызвало большой общественный резонанс и даже было запечатлено на двух почтовых открытках, выпущенных многотысячным тиражом. В 1913 г. в Петербургском университете он защитил докторскую диссертацию, в которой обобщил результаты своих многолетних изысканий во французских архивах. В день его защиты в университет были введены два наряда полиции для предотвращения возможных студенческих беспорядков.

Докторская степень и сложившаяся к тому времени международная научная известность Тарле не укрепили его положения в Петербургском университете, и он оставался в нем в звании приват-доцента (профессорское звание в Петербургском университете он получил только в 1917 г.). Поэтому в 1913 г. ученый принял назначение в Юрьевский университет (Тарту) на должность сначала экстраординарного, а затем ординарного профессора.

В том же 1913-м Тарле представлял русских ученых на Первом всемирном конгрессе историков в Лондоне. К этому времени уже были напечатаны такие книги Тарле, как «Общественные воззрения Томаса Мора....», «Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке», «Падение абсолютизма в За-

падной Европе», «Рабочий класс во Франции в эпоху революций», «Континентальная блокада», появились и первые переводы его книг во Франции и Германии. Любопытно, что уже тогда некоторые произведения Тарле выходили... без ведома автора, как это произошло с «Очерком развития философии истории» (СПб., 1908) — изданием, источником которого были стенограммы его лекций.

Свою работу в Юрьевском университете Тарле совмещал с чтением лекций в Петербургском университете и других столичных учебных заведениях, и поэтому его постоянным местом жительства оставался Петербург. В Юрьеве же он бывал наездами, читая оговоренные курсы.

Февральскую революцию ученый встретил с восторгом, а большевистский переворот — с большой тревогой и надеждой, что новая власть будет недолговечна. Позиция Тарле была, скорее, имперской. Он выступал против распада России: потери Финляндии, Польши и возможного суверенитета Украины, считая возможным ограничиться автономией национальных регионов, и против Брестского мира.

Даже убедившись в ошибочности своих прогнозов о скором крахе Советов, Тарле категорически исключал для себя возможность эмиграции, хотя адаптационные трудности на Западе ему, человеку, уже завоевавшему международный научный авторитет и свободно владеющему практически всеми европейскими языками, не грозили.

В начале своей научной карьеры Тарле довольно много писал для широкой читательской аудитории. Для популярных изданий им были написаны книги по истории Италии и Ирландии и множество исторических очерков, опубликованных в общественно-литературной периодике и переизданных впоследствии в виде отдельных тематических сборников. Причиной этой публицистической активности Тарле, кроме естественного «желанья славы», были и серьезные материальные затруднения тех лет.

После получения докторской степени и профессорского звания нужда отступила, и основное внимание ученый стал уделять лекционной работе, исследованиям, ориентированным, как писал сам ученый А. К. Дживелегову, на 10–15 читателей во всей Европе. В этот период он лишь изредка обращался к более широкой аудитории, печатая небольшие очерки преимущественно в популярных исторических журналах «Былое», «Голос минувшего» и др. К этому же времени относится краткое увлечение Тарле «большой политикой», апогей

которого приходился на немногие месяцы существования Временного правительства, когда он вместе с Павлом Щеголевым и Александром Блоком стал членом чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений прежнего режима.

После Октябрьского переворота Тарле несколько лет искал свою «нишу», что было совсем непросто, несмотря на избрание его в 1918 г. членом-корреспондентом Российской академии наук. С приходом НЭПа материальная сторона бытия несколько упорядочилась, а поскольку экономические послабления всегда связаны с определенными политическими уступками, «беспартийный» Тарле получил возможность почти каждый год бывать за рубежом, в основном во Франции. В России же, после неудачной попытки издавать «свой» журнал («Анналы»), он сосредоточивается на лекционной работе.

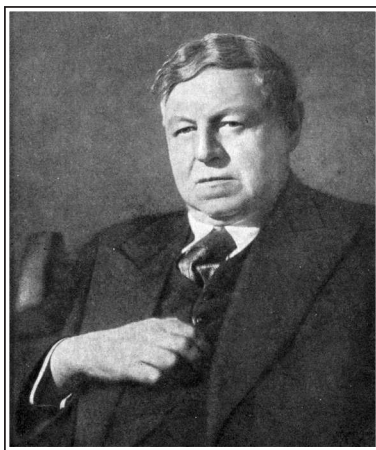
В 1921 г. Тарле был избран членом-корреспондентом, а в 1927 г. — действительным членом Академии наук, что стало возможным отнюдь не в результате какой бы то ни было поддержки властей, а только потому, что большинство в Академии составляли ученые старой формации, находившиеся в молчаливой оппозиции к новому режиму. Приобщение к Академии сделало возможными научные командировки в Европу, и Тарле смог продолжить работу во французских архивах.

В 1930 г. Тарле был арестован и «вмонтирован» в сфабрикованные советскими спецслужбами «дела» — «академическое» и «промпартии». Вскоре он был лишен звания академика. В 1932 г. Тарле был освобожден из ссылки, но не реабилитирован. Реабилитация фигурантов «академического дела» была осуществлена почти через 40 лет, в 1967-м, и для большинства ученых — посмертно.

В 1934–1941 гг. Тарле были написаны книги «Наполеон», «Талейран» и «Нашествие Наполеона на Россию», которые принесли ему мировую славу. Эти книги, особенно «Наполеон», переведены на десятки языков, изданы и продолжают издаваться во многих странах. Нужно отметить, что за все время существования России ни один русский историк не может сравниться с Тарле по числу зарубежных изданий.

В 1938 г. Тарле был восстановлен в звании действительного члена Академии наук по решению Политбюро ЦК ВКП(б). В 1937–1945 гг. он неоднократно встречался со Сталиным, но это общение остается достоянием легенд и косвенных свидетельств. Тарле, наряду с М. А. Булгаковым и Б. Л. Пастернаком, относился к тем деятелям культуры, к кому Сталин по собственной инициативе обратился

по телефону. Известно письмо Сталина к Тарле, сохранились и письменные обращения историка к «вождю всех времен и народов». Есть свидетельства о том, что Сталин ссылался на «мнение Тарле» при обсуждении с правящей верхушкой вопросов о новых границах Польши, о возобновлении армейских погон и о повержении немецких знамен на параде Победы. Возможно, эти слухи (сталинская империя вообще была страной слухов, а не информации) дали повод одному из зарубежных историков Второй мировой войны зачислить Тарле в состав неких «тайных советников вождя».

В 1941 — 1945 гг. Тарле активно работает как лектор и публицист. В последнем качестве он был одним из тех, чьи статьи и цитаты из них публиковались и перепечатывались за рубежом, и это обстоятельство, видимо, послужило причиной того, что фашистской администрацией он был включен в список лиц, подлежащих немедленному уничтожению после ожидавшейся скорой победы вермахта.

В это же время Тарле завершает свое двухтомное исследование «Крымская война», основанное на огромном массиве ранее неизученных архивных материалов и содержащее ряд блестящих исторических портретов и картин, таких, например, как потрясающее описание кончины императора Николая I.

После войны Тарле пишет историю Северной войны и ряд книг по истории русского флота. Все эти произведения также строго документальны и стали исторической классикой.

После 1930 г. ученый долго оставался «невъездным», и только после войны ему был разрешен выезд в «зону влияния МГБ». Он побывал в Польше, Чехословакии и Венгрии, а вот церемонии по присвоению ему почетных званий в Англии, Франции и Норвегии прошли без него.

Мало кто знает, что в послевоенные годы отношения Тарле с властью предрезающими обострились настолько, что он с большим трудом смог пристроить в «Госполитиздат» свою «плановую» книгу

о Северной войне на просто неприличных для академика и всемирно известного автора условиях.

Причина же этого обострения состояла в том, что несколько лет назад по личному указанию Сталина ему было поручено написать книги о трех агрессиях — шведской, наполеоновской и гитлеровской. Таким образом, он оказался в положении В. О. Ключевского, от которого императорский двор пожелал получить книгу об Александре III. Но если Ключевский мог отказаться, то для Тарле такой путь был закрыт: сталинское самодержавие было гораздо опаснее романовского. И он начал с Северной войны, надеясь, что вопрос как-нибудь решится сам собой.

К незабываемому 1949 г. медлительность ученого в исполнении «высочайшего наказа» была замечена и Тарле было прямо указано, чтобы он взялся за историю Великой Отечественной. А Тарле заявил, что он быстро доработает уже имеющееся «Нашествие Наполеона» и только потом примется за нашествие Гитлера.

Возня с изданием «Северной войны» (эта книга увидела свет уже после смерти Сталина, и Тарле) была последним серьезным предупреждением, и Тарле ожидал какого угодно дальнейшего развития событий. Но организованная новым поколением партаппаратчиков и уже принявшая реальные формы «разоблачительная кампания» была приостановлена Сталиным после личного обращения к нему Тарле.

Умер Евгений Викторович Тарле 6 января 1955 года в Москве. Весьма чувствительный к вопросам научной и литературной славы, он был абсолютно безразличен к административной карьере. Никогда в жизни Тарле не руководил институтами и даже не заведовал кафедрами. Звания старшего научного сотрудника Института истории и профессора были в его представлении вполне достаточными для истинного ученого-исследователя.

Яков Кранцфельд

НАПОЛЕОН

ГЛАВА I

МОЛОДЫЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

1

В городе Аяччо, на острове Корсике, 15 августа 1769 г. 19-летняя жена одного местного дворянина, занимавшегося адвокатской практикой, Летиция Бонапарте, находясь вне дома, почувствовала внезапное приближение родовых мук, успела вбежать в гостиную и тут родила ребенка. Около родильницы никого в этот момент не оказалось, и ребенок из чрева матери упал на пол. Так совершилось прибавление семейства у небогатого адвоката корсиканского городка Аяччо Карло Бонапарте. Адвокат решил дать в будущем своему сыну воспитание не корсиканское, а французское и, когда мальчик подрос, добился определения его на казенный счет в одно из французских военных училищ: учить сына на свой счет у многодетной семьи средств не было.

Остров Корсика, долгое время принадлежавший Генуэзской торговой республике, восстал против Генуи под предводительством одного местного землевладельца (Паоли) и в 1755 г. прогнал генуэзцев. Это было, по-видимому, восстанием мелкопоместных дворян и землевладельцев, поддержанных в данном случае охотниками, скотоводами в горах, беднотой в немногих городах, словом, населением, желавшим избавиться от беззастенчивой эксплуатации со стороны совершенно чуждой им купеческой республики, от фискального и административного гнета. Восстание увенчалось успехом, и с 1755 г. Корсика жила в качестве самостоятельного государства под управлением Паоли. На Корсике были сильны еще (особенно во внутренних частях острова) пережитки родового быта. Жили кланами, ведшими иногда долгую и ожесточенную войну между собой. Кровная месть (вендетта) была в очень большом ходу и нередко кончалась громадными побоищами между отдельными кланами.

В 1768 г. Генуэзская республика продала свои уже фактически несуществующие «права» на Корсику французскому королю Людовику XV, и весной 1769 г. французские войска разгромили отряд Паоли (дело было в мае 1769 г., за три месяца до рождения Наполеона). Корсику провозгласили владением Франции.

Годы детства Наполеона проходили, таким образом, как раз тогда, когда на острове еще живы были сожаления о так внезапно вновь утраченной политической самостоятельности, а вместе с тем частью землевладельцев и городской буржуазии овладевала мысль, не стать ли окончательно, не за страх, а за совесть, подданными Франции. Отец Наполеона, Карло Бонапарте, примкнул к «французской» партии, но маленький Наполеон жалел об изгнанном защитнике Корсики Паоли и ненавидел французских пришельцев.

Характер у Наполеона с раннего детства оказался нетерпеливым и беспокойным. «Ничто мне не импонировало,— вспоминал он впоследствии,— я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал, и все меня боялись. Больше всего приходилось от меня терпеть моему брату Жозефу. Я его бил и кусал. И его же за это бранили, так как бывало еще до того, как он придет в себя от страха, я уже нажалуюсь матери. Мое коварство приносило мне пользу, так как иначе мама Летиция наказала бы меня за мою драчливость, она никогда не потерпела бы моих нападений!»

Наполеон рос ребенком угрюмым и раздражительным. Мать любила его, но воспитание и ему и другим своим детям дала довольно суровое. Жили экономно, но нужды семья не испытывала. Отец был человек, по-видимому, добрый и слабохарактерный. Истинным главой семьи была Летиция, твердая, строгая, трудолюбивая женщина, в руках которой находилось воспитание детей. Любовь к труду и к строгому порядку в делах Наполеон унаследовал именно от матери.

Обстановка этого уединенного от всего света острова, с его довольно диким населением в горах и лесных чащах, с нескончаемыми междуклановыми столкновениями, с родовой кровной мстостью, с тщательной скрываемой, но упорной враждой к пришельцам-французам, сильно отразилась на юных впечатлениях маленького Наполеона.

В 1779 г., после больших хлопот, отцу удалось отвезти двух старших детей — Жозефа и Наполеона — во Францию и поместить их в Отенский колледж, а весной того же 1779 г. 10-летний Наполеон был переведен и помещен на казенную стипендию в военном училище в г. Бриенне, в восточной Франции. В Бриеннском военном училище Наполеон оставался угрюмым, замкнутым мальчиком; он быстро и надолго раздражался, не искал ни с кем сближения, смотрел на всех без почтения, без приязни и без сочувствия, очень в себе уверенный, несмотря на свой малый рост и малый возраст. Его пробовали обижать, дразнить, придирались к его корсиканскому

Наполеон Бонапарт в кадетской школе в Бриенн-ле-Шато в 1779 году.
Иллюстрация к книге У.-М. Слоана «Жизнь Наполеона Бонапарта». 1896 г.

выговору. Но несколько драк, яростно и не без успеха (хотя и не без повреждений) проведенных маленьким Бонапартом, убедили товарищей в небезопасности подобных столкновений. Учился он превосходно, прекрасно изучил историю Греции и Рима. Он увлекался также математикой и географией. Учителя этой провинциальной военной школы сами не очень были сильны в преподаваемых ими науках, и маленький Наполеон пополнял свои познания чтением. Читал он и в этот ранний период и впоследствии всегда очень много и очень быстро. Французских товарищей удивлял и отчуждал от него его корсиканский патриотизм: для него французы были тогда еще чуждой расой, пришельцами-завоевателями родного острова. Со своей далекой родиной, впрочем, он в эти годы общался только через письма родных: не такие были у семьи средства, чтобы выписывать его на каникулы домой.

В 1784 г., в 15 лет, он с успехом окончил курс и перешел в Парижскую военную школу, откуда уже выпускались офицеры в армию. Здесь были собраны первостепенные преподавательские силы: достаточно сказать, что среди преподавателей были знаменитый математик Монж и астроном Лаплас. Наполеон с жадностью слушал лекции и читал. Тут было чему и у кого поучиться. Но в первый же учебный год его постигло несчастье: он поступил в Парижскую школу в конце октября 1784 г., а в феврале 1785 г. скончался его отец Карло Бонапарте от той самой болезни, от которой впоследствии умер и сам Наполеон: от рака желудка. Семья осталась почти без средств.

На старшего брата Наполеона, Жозефа, надежда была плоха: он был и неспособен и ленив, так что 16-летний юнкер взял на себя заботу о матери, братьях и сестрах. После годичного пребывания в Парижской военной школе он вышел 30 октября 1785 г. в армию с чином подпоручика и отправился в полк, стоявший на юге, в г. Валенсе.

Трудно жилось молодому офицеру. Большую часть жалованья он отсылал матери, оставляя себе только на самое скудное пропитание, не позволяя себе ни малейших развлечений. В том же доме, где он снимал комнату, помещалась лавка букиниста, и Наполеон все свободное время стал проводить за чтением книг, которые давал ему букинист. Общества он чуждался, да и одежда его была так невзрачна, что он и не хотел и не мог вести сколько-нибудь светскую жизнь. Читал он запоем, с неслыханной жадностью, заполняя заметками и конспектами свои тетради.

Больше всего его интересовали книги по военной истории, математике, географии, описания путешествий. Читал он и философов. Именно в эту пору он ознакомился с классиками просветительской литературы XVIII в. — Вольтером, Руссо, Даламбером, Мабли, Рэйналем.

Трудно установить, когда именно появляются в нем первые признаки того отвращения к идеологам революционной буржуазии и ее философии, которое так для него характерно. Во всяком случае, 16-летний подпоручик пока еще не столько критиковал, сколько учился. Это тоже коренная черта его ума: ко всякой книге, так же как и ко всякому новому человеку, он приближался в эти начальные годы своей жизни с жадным и нетерпеливым желанием поскорее и как можно полнее извлечь то, чего он еще не знает и что может дать пищу его собственной мысли.

Читал он и беллетристику и стихи; увлекался «Страданиями молодого Вертера» и некоторыми другими вещами Гете; читал Расина, Корнея, Мольера, нашумевшую тогда книгу стихов, приписанных средневековому шотландскому барду Оссиану (это была искусная литературная подделка); от этого чтения снова бросался к математическим трактатам, к книгам военного содержания, особенно к сочинениям об артиллерийском деле.

В сентябре 1786 г. он спросил себе долговременный отпуск и уехал в Аяччо, на родину, устраивать материальные дела своей семьи. Умирая, его отец завещал небольшое имение и довольно запутанные дела. Наполеон деятельно и успешно занялся этими делами

и поправил материальное положение семьи. Отпуск свой ему удалось продлить до середины 1788 г., хотя, по-видимому, и без сохранения содержания. Но результаты его работы по дому и имению покрыли все.

Вернувшись в июне 1788 г. во Францию, он вскоре со своим полком был отправлен в г. Оксонн. Здесь он жил уже не на частной квартире, а в казарме и продолжал с прежней жадностью читать решительно все, что попадало под руку, и в частности основные труды по военным вопросам, волновавшим военных специалистов XVIII в. Однажды, посаженный за что-то на гауптвахту, он совершенно случайно нашел в помещении, где был заперт, неизвестно как попавший сюда старый том юстиниановского сборника (по римскому праву). Он не только прочел его от доски до доски, но потом, почти 15 лет спустя, изумлял знаменитых французских юристов на заседаниях по выработке Наполеоновского кодекса, цитируя наизусть римские дигесты. Память у него была исключительная.

Способность к упорнейшему умственному труду, к долгому размышлению сказала в нем уже в этот ранний период. «Если кажется, что я всегда ко всему подготовлен, то это объясняется тем, что раньше чем что-либо предпринять, я долго размышлял уже прежде; я предвидел то, что может произойти. Вовсе не гений внезапно и таинственно (*en secret*) открывает мне, что именно мне должно говорить и делать при обстоятельствах, кажущихся неожиданными для других,— но мне открывает это мое размышление. Я работаю всегда, работаю во время обеда, работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать», — так говорил он неоднократно впоследствии. О своей гениальности он упоминал часто с каким-то легким налетом иронии или насмешливости, а о своей работе — всегда с большой серьезностью и с большой настойчивостью. Он гордился своей колоссальной работоспособностью больше, чем какими бы то ни было другими дарами, какими наделила его столь неограниченно щедрая к нему природа.

Тут, в Оксонне, он и сам берется за перо и составляет небольшой трактат по баллистике («О метании бомб»). Артиллерийское дело окончательно становится его излюбленной военной специальностью. Остались в его бумагах от этого времени также и кое-какие беллетристические наброски, философско-политические этюды и т. п. Здесь он частенько высказывается более или менее либерально, иногда прямо повторяет некоторые мысли Руссо, хотя в общем его никак нельзя назвать последователем идей «Общественного договора». В эти годы его жизни бросается в глаза одна черта: полное подчи-

нение страстей и желаний воле и рассудку. Он живет впроголодь, избегает общества, не сближается с женщинами, отказывает себе в развлечениях, работает без усталы, сидит за книгами все свободное от службы время. Согласился ли он окончательно удовольствоваться своей долей — долей небогатого провинциального офицера, корсиканского дворянина из бедных, на которого аристократы-товарищи и аристократы-начальники всегда будут смотреть сверху вниз?

Он не успел ясно сформулировать ответ на этот вопрос и еще меньше успел конкретно развить планы будущего, как сначала зашаталась, потом надломилась, потом провалилась та сцена, на которой он готовился действовать: грянула Французская революция.

2

Те бесчисленные биографы и историки Наполеона, которые склонны наделять своего героя сверхъестественными качествами мудрости, пророческого дара, вдохновенного следования своей звезде, хотят уловить в 20-летнем артиллерийском поручике оксоннского гарнизона предчувствие того, чем для него лично будет разразившаяся в 1789 г. революция.

На самом деле все обстояло гораздо проще и естественнее: по социальному своему положению Наполеон мог только выиграть от победы буржуазии над феодально-абсолютистским строем. В Корсике дворяне (а особенно мелкопоместные) никогда не пользовались даже и в генуэзские времена теми правами и преимуществами, какими так дорожили дворяне французские; на большую и быструю карьеру по военной службе мелкопоместный провинциал с далекого, недавно французами завоеванного дикого итальянского острова ни в коем случае рассчитывать не мог. Если чем и могла пленить его революция 1789 г., так это именно тем, что только теперь личные способности могли содействовать восхождению человека по социальной лестнице. Для начала артиллерийскому поручику Бонапарту ничего больше не требовалось.

Практические заботы охватили его. Как для него выгоднее всего использовать революцию? И где сделать это лучше? Ответов было два: 1) на Корсике, 2) во Франции. Преувеличивать размеры и температуру его корсиканского патриотизма в тот момент ни в коем случае не следует. Поручик Бонапарт в 1789 г. не напоминал уже того 10-летнего злого волчонка, который так больно дрался во дворе Бриеннской военной школы, когда товарищи передразнивали его корсиканский акцент. Теперь он знал, что такое Франция и что такое Корсика, мог

сравнивать масштабы и понимал, конечно, всю несоизмеримость этих масштабов. Но дело в том, что даже и в 1789 г. он не мог надеяться на то место во Франции, которое именно теперь, когда разразилась революция, он мог, при счастливых обстоятельствах, занять на Корсике. Спустя два с половиной месяца после штурма Бастилии Наполеон отпра­сился в отпуск и уехал на Корсику.

Между многими другими литературными набросками Наполеон как раз в 1789 г. закончил очерк истории Корсики, который он в рукописи дал для отзыва Рэйналю, и очень был обрадован лестным отзывом этого тогда популярного писателя. Самая тема показывает живейший его интерес к родному острову еще до появления возможности начать там политическую деятельность. Прибыв домой, к матери, он немедленно объявил себя сторонником возвратившегося из долгого изгнания Паоли, но тот отнесся к молодому лейтенанту весьма холодно, а очень скоро обнаружилось, что им и вовсе не по пути. Паоли норовил совершенно освободить Корсику от французского владычества, а Бонапарт учитывал, что французская революция открывает новые пути для развития Корсики, а может быть, — и это главное — для его собственной карьеры.

Пробыв на Корсике несколько месяцев и не добившись никаких результатов, он снова уезжает в полк и увозит с собой младшего брата Людовика, чтобы несколько уменьшить расходы по дому для матери. Братья поселились в Валансе, куда снова перевели полк. Лейтенант Бонапарт должен был теперь жить вдвоем с братом и давать ему воспитание на свое очень скудное жалованье. Иногда приходилось обедать одним куском хлеба. Наполеон продолжал усиленно работать по службе и читать запоем разнообразнейшую литературу, усердно налегая на военную историю.

В сентябре 1791 г. он снова попал на Корсику, куда ему удалось получить перевод по службе. На этот раз он окончательно разошелся с Паоли, потому что тот уже прямо вел дело к отторжению острова от Франции, чего Наполеон ни в коем случае не хотел. Когда в апреле 1791 г. разгорелась борьба между контрреволюционным духовенством, всецело поддерживавшим сепаратиста Паоли, и представителями революционных властей, то Бонапарт даже стрелял в мятежную толпу, напавшую на предводительствуемый им отряд. В конце концов он стал подозрителен к властям, так как сделал попытку завладеть крепостью (без распоряжения сверху). Он уехал во Францию, где ему необходимо было немедленно явиться в Париж, в военное министерство, чтобы оправдаться в своем несколько сомнительном поведении

на Корсике. Приехал он в столицу в конце мая 1792 г. и был личным свидетелем бурных революционных событий этого лета.

У нас есть точные данные, чтобы судить, как 23-летний офицер отнесся к двум центральным событиям этих месяцев: к вторжению народной массы в Тюильрийский дворец 20 июня и к свержению монархии 10 августа 1792 г. Будучи не участником, а лишь посторонним, случайным свидетелем и имея возможность высказаться оба раза в интимном кругу, он мог совершенно свободно дать простор истинным своим чувствам, всем своим инстинктам. И его высказывания не оставляют никаких сомнений в смысле их полнейшей ясности и недвусмысленности: «Пойдем за этими каналами», — сказал он Бурьену, с которым был на улице, видя толпу, шедшую к королевскому дворцу 20 июня. Когда перепуганный этой грозной демонстрацией Людовик XVI поклонился толпе из окна, к которому подошел в красной фригийской шапке (одной из эмблем революции), Наполеон сказал с презрением: «Какой трус! Как можно было впустить этих каналов! Надо было смести пушками 500–600 человек, — остальные разбежались бы!» Я смягчаю эпитет, примененный Наполеоном к Людовику XVI, так как передать его в точности в печати нет ни малейшей возможности. 10 августа (в день штурма Тюильри и низвержения Людовика XVI) он снова на улице и снова повторяет этот эпитет по отношению к королю, а революционных повстанцев обзывает «самой гнусной чернью».

Конечно, он не мог, стоя в толпе и глядя на штурм Тюильри 10 августа 1792 г., знать, что французский трон, с которого в этот момент стоняют Людовика XVI, тем самым очищается именно для него, Бонапарта, так же как стоявшие вокруг него массы, восторженными криками приветствовавшие рождение республики, не могли подозревать, что этот незаметный, затерянный в толпе, худой, маленький молодой офицер в поношенном сюртуке задушит эту республику и станет самодержавным императором. Но интересно отметить этот инстинкт, заставлявший Наполеона уже тогда думать о картечи как о наиболее подходящем способе отвечать на народные восстания.

Он побывал еще раз на Корсике. Но приехал он туда как раз в тот момент, когда Паоли окончательно решил отделить Корсику от Франции и предался англичанам. Наполеону удалось незадолго до захвата острова англичанами, после долгих приключений и опасностей, бежать с Корсики и увезти с собой мать и всю семью. Это было в июне 1793 г. Едва они скрылись, как дом их был разграблен сепаратистами — приверженцами Паоли.

Наполеон излагает план взятия Тулона.

Иллюстрация Ф. Ликса из «Универсальной истории Ридпата». 1897 г.

Начались годы тяжелой нужды. Большая семья была совсем разорена, и молодому капитану (Наполеон получил незадолго до того этот чин) приходилось содержать мать и семерых братьев и сестер. Он их устроил кое-как сначала в Тулоне, потом в Марселе. Потянулась трудная и скудная жизнь, шел месяц за месяцем, не принося никакого просвета, и вдруг служебная лямка прервалась самым неожиданным образом.

На юге Франции разразилось контрреволюционное восстание. Роялисты Тулона в 1793 г. изгнали или перебили представителей революционной власти и призвали на помощь крейсировавший в западной части Средиземного моря английский флот. Революционная армия осадила Тулон с суши.

Осада шла вяло и неуспешно. Руководил осадой некий Карто. Политическим руководителем армии, усмирявшей восстание рояли-

стов на юге, был знакомый Бонапарта, корсиканец Саличетти, вместе с ним выступавший против Паоли. Бонапарт посетил своего земляка в лагере возле Тулона и тут указал ему единственный способ взять Тулон и прогнать английский флот от берега. Саличетти назначил молодого капитана помощником начальника осадной артиллерии.

Штурм, произведенный в первых числах ноября, не удался, потому что командовавший в этот день Доннэ велел отступить, вопреки мнению и желанию Бонапарта, в самый решительный момент. Бонапарт был уверен, что победа осталась бы за французами, если бы не эта грубая ошибка. Сам он шел впереди штурмующей колонны и был ранен. После долгого сопротивления и проволочек со стороны высших властей, не очень доверявших какому-то совсем неизвестному молодому человеку, случайно очутившемуся в лагере, новый командующий Дюгомье разрешил ему, наконец, привести свой план в исполнение. Расположив батареи, как он давно хотел, Бонапарт, после страшной канонады, штурмом, в котором он лично участвовал, взял тот пункт (Эгильет), который был командной высотой над рейдом, и открыл огонь по английскому флоту.

После двухдневной ожесточенной канонады республиканцы 17 декабря пошли штурмом на укрепления. Штурмующих было 7 тысяч человек, и они были, после ожесточенного боя, отброшены. Но тут подоспел Бонапарт с резервной колонной, и это вмешательство решило победу. На другой день началось повальное бегство из города всех, кого англичане согласились взять на корабли. Тулон сдался на милость победителей. Республиканская армия вошла в город. Английский флот успел уйти в открытое море.

«У меня слов не хватает, чтобы изобразить тебе заслугу Бонапарта: у него знаний столь же много, как и ума, и слишком много характера, и это еще даст тебе слабое понятие о хороших качествах этого редкого офицера», — писал генерал Дютиль в Париж, в военное министерство, и с жаром рекомендовал министру сохранить Бонапарта для блага республики. Огромная роль Бонапарта и в расположении орудий, и в искусном ведении осады и канонады, и, наконец, в решающий миг штурма была ясна всему осадному корпусу.

Этот штурм произошел 17 декабря 1793 г. Таково было первое сражение, данное и выигранное Наполеоном. От 17 декабря 1793 г., когда были взяты укрепления Тулона, по 18 июня 1815 г., когда побежденный император удалился с покрытого трупами ватерлооского поля, — 22 года (с перерывами) длилась эта долгая, кровавая карьера, которая внимательно изучалась на протяжении всей эпохи нацио-

нально-освободительных войн в Европе и опыт которой до сих пор подвергается систематическому исследованию.

Наполеон дал на своем веку около 60 больших и малых сражений (количественно несравненно больше, чем в совокупности дали Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь и Суворов), и в этих битвах участвовали гораздо большие людские массы, чем в войнах его предшественников по военному искусству. Но несмотря на обилие грандиозных побоищ, с которыми связано поприще Наполеона, Тулонская победа, при всей своей сравнительной скромности, навсегда заняла в наполеоновской эпопее совсем особое место. Он впервые обратил на себя внимание. О нем впервые узнали в Париже. Комитет общественного спасения был очень рад, что наконец удалось покончить с тулонскими изменниками и отогнать от берега англичан.

Это развитие событий обещало скорую ликвидацию роялистской контрреволюции на всем юге. Тулон считался такой неприступной крепостью, что многие верить не хотели вести о его падении, о том, что какой-то никому неведомый Бонапарт мог взять его. К счастью для победителя, в осаждающем лагере, кроме Саличетти, находился еще один человек, гораздо более влиятельный: Огюстен Робеспьер, младший брат Максимилиана. Он присутствовал при взятии города, и он же описал событие в докладе, посланном в Париж. Результаты сказались немедленно: постановлением от 14 января 1794 г. Наполеон Бонапарт получил чин бригадного генерала. Ему было в этот момент 24 года отроду. Начало было сделано. Время, когда Бонапарт взял Тулон, было периодом полного владычества монтаньяров в Конвенте, временем колоссального влияния Якобинского клуба в столице и провинции, временем расцвета революционной диктатуры, победоносно и беспощадно борющейся против внешних врагов и внутренней измены, против восстаний, поджигаемых роялистами, жирондистами, не присягнувшими священниками.

В происходившей яростной внутренней борьбе Наполеон Бонапарт не мог не видеть, что нужно выбирать между республикой, которая ему все может дать, и монархией, которая все у него отнимет и не простит ему ни взятия Тулона, ни его как раз в это время изданной небольшой брошюры «Ужин в Бокере», в которой он доказывает восставшим на юге городам, что их положение безнадежно. Весной и в начале лета комиссары Конвента на юге (и особенно Огюстен Робеспьер, под прямым влиянием Бонапарта) готовили вторжение в Пьемонт, в Северную Италию, чтобы оттуда угрожать Австрии. Комитет общественного спасения колебался, Карно был тогда про-

тив этого плана. Влияя через Огюстена Робеспьера, Бонапарт мог надеяться на осуществление этой своей мечты: принять участие в завоевании Италии. Самая мысль была в тот момент еще необычной для французского правительства: идея защищаться от интервенции не обороной от контрреволюционной Европы, а прямым нападением на Европу, казалась еще слишком дерзкой. Планам Бонапарта не суждено было осуществиться в 1794 г. Внезапная, абсолютно не предвиденная им политическая катастрофа перевернула все вверх дном.

Чтобы поддержать лично перед своим братом и перед Комитетом общественного спасения план итальянского похода, Огюстен Робеспьер отправился в Париж. Наступило лето, нужно было решить этот вопрос. Бонапарт находился в Ницце, куда он вернулся из Генуи, выполнив секретное поручение, данное ему в связи с затеваемым походом. И вдруг из Парижа грянуло известие, которого не ждала не только далекая южная провинция, но не ждала и сама столица: пришла поразительная весть об аресте в день 9 термидора, на самом заседании Конвента, Максимилиана Робеспьера, его брата Огюстена, Сен-Жюста, Кутона, затем, попозже, их приверженцев и казни их всех на другой день без суда в силу простого объявления их вне закона. Немедленно по всей Франции начались аресты лиц, особенно близких или казавшихся близкими к главным деятелям павшего правительства. Генерал Бонапарт после казни Огюстена Робеспьера сразу оказался под ударом. Не прошло и двух недель после 9 термидора (27 июля), как он был арестован (10 августа 1794 г.) и препровожден под конвоем в антибский форт на Средиземноморском побережье. После заключения, продолжавшегося 14 дней, Бонапарт был выпущен: в его бумагах не нашлось ничего, что бы дало повод к преследованию.

Правда, в эти дни термидорианского террора погибло много людей, в той или иной степени близких к Робеспьеру или робеспьеристам, и Бонапарт мог почитать себя счастливым, что избежал гильотины. Во всяком случае по выходе из тюрьмы он сразу убедился, что времена переменились и что его счастливо начатая карьера приостановилась. Новые люди относились к нему подозрительно, да и знали его еще очень мало. Взятие Тулона не успело еще создать ему большой военной репутации. «Бонапарт? Что такое — Бонапарт? Где он служил? Никто этого не знает», — так реагировал отец молодого поручика Жюно, когда тот сообщил ему, что генерал Бонапарт хочет взять его к себе в адъютанты. Тулонский подвиг уже был забыт и во всяком случае расценивался уже не так высоко, как в первый момент после события.